

скую синхронную диалектологию. Предложенная им классификация венгерских диалектов, независимо от спорных деталей, является на современном этапе наиболее полной и достоверной. Лингвогеографические карты, результат кропотливого труда, представляют интерес и за пределами венгерской диалектологии. Весьма ценны составленные автором статистические сводки, которые позволяют получить построенные на более реальной основе, чем до сих пор, обобщения, более

конкретную картину многих диалектных явлений. Монография Ш. Имре имеет, на наш взгляд, и большое практическое значение. В книге указан ряд важнейших проблем, комплексных вопросов венгерской диалектологии, которые предстоит решать. Книга предопределяет пути дальнейшего развития этой отрасли языкознания.

КАТАЛИН МОКАНЬ,
ШАНДОР МОКАНЬ (Ленинград)

<https://doi.org/10.3176/lu.1975.1.10>

С. В. Соколов, Названия птиц в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 1973.

14 декабря 1973 г. на Совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации аспирантом Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР Серафимом Васильевичем Соколовым на тему «Названия птиц в удмуртском языке». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук доцент Л. И. Калинин (Ижевск).

Изучению названий птиц, как и целому ряду других тематических разделов лексики, до сих пор в финно-угорских языках уделялось сравнительно мало внимания. В известной степени заполняют этот пробел и намечают пути дальнейшего исследования два появившихся в последнее время научных труда — кандидатская работа А.-Р. Хаузенберг «Названия животных в коми языке» (Таллин 1972) и исследование М. Мягера о названиях птиц в эстонском языке (*Eesti linnunimetus*, Tallinn 1967).

Не вызывает сомнения, что тема работы С. В. Соколова актуальна как для изучения удмуртского языка, так и для финно-угроведения в целом. Чем быстрее и основательнее мы сможем изучить лексику флоры и фауны отдельных финно-угорских языков, тем яснее будет наше представление о предполагаемой прародине финно-угорских (*resp.* уральских) народов, а также о их позднейших контактах с представителями других языковых семей. Разрешению этих важных во-

просов, в частности с позиции пермских языков, несомненно, будет способствовать работа С. В. Соколова, руководителем которой является видный специалист по пермским языкам доктор филологических наук профессор В. И. Лыткин.

С названиями птиц в удмуртском языке до последнего времени можно было познакомиться по разбросанным в отдельных трудах, словарях, текстах отрывочным сведениям. С. В. Соколов впервые собрал все данные по этой теме, систематизировал их и дополнил диалектными материалами. По словам автора диссертации, основной целью исследования был «сбор, идентификация и классификация орнитонимов, дать наиболее подробное описание их: уточнить, детализировать ранее установленные этимологии, выяснить происхождение тех названий, которые еще этимологическому анализу не подвергались, определить основные принципы номинации и факторы, влияющие на систему названий птиц» (стр. 6—7). Несколько забегаая вперед, отметим, что на все поставленные вопросы, по мнению рецензента, в диссертации даны вполне удовлетворительные ответы.

Успешному изучению проблемы способствовало, несомненно, и то обстоятельство, что автор работы прекрасно разбирается в лексическом материале своего родного языка, свободно ориентируется в нем и учитывает мельчайшие тонкости и детали диалектного своеобразия — исследователю другой национальности труднее заметить и учесть эти детали. В ра-

боте приводятся удачные коррективы прежних этимологий, а также истолкование происхождения многих названий птиц в удмуртском языке (всего 89). Сравнение этих этимологий с другими финно-угорскими или тюрко-татарскими эквивалентами значительно повышает научный потенциал работы.

Структура диссертации С. В. Соколова (204 стр. машинописи) целесообразна и логична. Центральная часть работы состоит из трех разделов, или глав: «Происхождение удмуртских названий птиц» (стр. 70—139), «Основные принципы номинации птиц в удмуртском языке» (стр. 140—156) и «Некоторые вопросы морфологической характеристики названий птиц, обозначающих возраст и пол» (стр. 157—160). В вводной части (стр. 2—9) автор знакомит с целевой установкой и методом исследования, перечисляет основные источники и труды, в которых затрагивается вопрос этимологизации названий птиц в удмуртском языке. Отдельно рассматривается исследование М. Мягера «Eesti linnunimetused», которое служило образцом при написании данной диссертации и на которую в своей работе С. В. Соколов неоднократно ссылается. Из предисловия мы узнаем также, что фактический материал собран автором во время диалектологических экспедиций и путем опросных анкет. Там же говорится о построении и структуре словарных статей, описываются и иллюстрируются диалектными примерами встречающиеся на местах графемы, причем указывается, что при введении латинских названий птиц автор руководствовался таким авторитетным источником, как «Птицы СССР» (Москва 1968).

За основной частью диссертации следуют «Заключение» (стр. 161—166), «Условные сокращения», «Литература» и пр. (стр. 167—197), а также облегчающий знакомство с диссертацией «Алфавитный указатель удмуртских названий птиц» (стр. 198—203).

Самой объемной частью является первая глава диссертации, которая представляет собою расположенные по алфавиту 165 словарных статей, обозначающих названия птиц в удмуртском языке (от *айрата* до *юсь*). Словарные статьи составлены в основном со знанием дела, изложение сжато и немногословно, но

вместе с тем анализ в них тщателен и глубок. Так, при рассмотрении наименования *аккыш* 'лебедь', *Cygnus cygnus* указывается не только на его тюркское происхождение, но анализируется и состав этого сложного слова: *ак* 'белый' + *кыш* (*кыш*) 'птица'. Рассматривая уже имеющиеся этимологии, автор, как правило, взвешивает, которая из них предпочтительнее. В ряде случаев, когда единого, общего истолкования нет, автор вносит со своей стороны дополнительный вариант истолкования. Так, С. В. Соколов считает, что в названии *всто* 'чирок, дикая утка' «фонетические варианты с гласным *a* в первом слоге непосредственно восходят к словесной имитации крика уток, а с гласным *o* к финно-угорскому пласту лексики удмуртского языка».

В связи с этим следует отметить, что систематическое, последовательное сравнение названий птиц с их голосами является самым верным способом толкования оноματοпоэтического пласта лексики в целом. Нужно сказать, что автор идет именно этим путем, причем иногда в описании птичьего голоса или крика он детально анализирует даже отдельные звуки. Рассматривая название *гуук* 'клинтух', *Columba oenas*, С. В. Соколов указывает, что «через удвоенный гласный *u* передается низкий тон и длительность звука, а сочетание этого удвоенного гласного с согласным *g* является основным средством выражения своеобразной глухости воркования» (стр. 35). Следует отметить, что теоретические обоснования не рекомендуются в заключение работы, как это сделано при определении критериев названий птиц оноματοпоэтического характера со ссылкой в заключении на Булаховского и его теорию суффиксов (стр. 166).

В целом представленные в словарных статьях положения следует признать хорошо мотивированными, звуковые сопоставления тщательными и подробными. Особенно детально разработаны диалектные варианты названий. Например, *бодёно* 'перепел, перепелка' в его диалектном звучании в форме *бодёно* (с вариантом *o*) объясняется автором междиалектным корреспондированием гласных *õ—o* в первом слоге слова. Для подтверждения этого положения как в данном случае, так и во всех подобных ситуациях приво-

дятся убедительные сопоставительные языковые материалы. Заслуживает одобрения и тот факт, что при анализе диалектных названий автор не упускает из виду и их дериваты, что позволяет проследить и уяснить изменения в звуковом составе слова. Так, можно согласиться с утверждением автора, что в слове *гöбöрсин* 'голубь, птица *Columba*' конечный элемент *-син* 'глаз' связан с народной этимологией. В этом заимствовании мы скорее имеем дело с конечным *-чин* (*гöбöрчин*) — в такой форме это название и бытует в некоторых удмуртских диалектах.

В словарную статью включено в основном все самое существенное, причем в нужном случае эти данные дополнены сведениями о том, как часто встречаются те или иные виды птиц, как звучат их наименования в языке детей, как образуются эвфемистические варианты звучания и т. д. — например, при анализе слов *ванем* 'цапля серая, *Ardea cinerea*', *гагак* 'гусь' и *чупьыбыж* 'ястреб-тетеревятник, *Accipiter gentilis*' (в точном переводе на русский язык 'жеребчий хвост' — см. стр. 117) и т. д. Все это, несомненно, способствует более углубленному анализу слов и одновременно подтверждает достоверность построенных на подобном анализе научных выводов.

О глубоком знании диссертантом проблематики исследуемой темы говорит и то обстоятельство, что им не упущено из виду и заимствование из удмуртского языка, а не только обратный процесс — заимствование из соседних языков в удмуртский. Так, С. В. Соколов считает, что в татарском языке название гусыни заимствовано из удм. *варгас*, в чем вряд ли можно усомниться, поскольку **vargss* в значении 'хитрый, лукавый' имеет общепермское происхождение. Вместе с тем он считает, что финно-угорское по своему происхождению *варыш* 'ястреб' (ср. эст. *vares*) проникло в соседние русские говоры из пермских языков, а не из марийского, как утверждали раньше.

В связи с приведенным выше *варыш* рецензент считает необходимым заметить, что мнение диссертанта, будто «звукотражательные слова не имеют фонетической устойчивости» (стр. 38), носит односторонний характер. Ведь и финно-угорское название *варыш* считается оно-

матопозитическим по своему образованию: к подражательному звучанию птичьего голоса *va* добавляется соответствующий суффикс. Вместе с тем во всех родственных языках звуковой состав этого слова очень легко прослеживается.

В названии *дыдык* 'голубь, вообще птица' автор вполне обоснованно выделяет уменьшительно-ласкательный суффикс *к*, но его следовало бы возводить не к сочетанию *кк*, а к уральскому варианту *kk + V*. То же следует отметить и по поводу реконструируемых суффиксов в наименовании птиц на удмуртском языке (стр. 138). С. В. Соколов считает, что в XIII веке коми уже не соприкасались с тюркскими народами (стр. 43). Однако это еще совсем не значит, что слова могли проникать из этих языков в язык коми при посредничестве удмуртского языка. Этот момент автором не учтен. Поскольку в работе не перечислены названия птиц, не имеющие вообще своих этимологий, а также те слова, которые впервые этимологизируются самим диссертантом, но совсем ясно, как относится С. В. Соколов к этимологически запутанному названию *дорога* 'жаворонок полевой' — о нем в работе лишь поставлен вопрос: «Не является ли это название каким-то народным, переосмыслением слова *турагай* 'жаворонок'?» (стр. 39).

Этимологическая часть работы в виде словарных статей занимает львиную долю диссертации. По мнению рецензента, для выравнивания пропорции между главами обзор, касающийся отдельных слоёв названий птиц (стр. 134 и дальше), следовало бы присоединить к следующей главе. Последующие две главы занимают всего 21 стр., в то время как первая — в шесть раз больше.

Несмотря на краткость, II и III главы содержат хорошо расчлененный обзор и описание основных принципов номинации птиц в удмуртском языке и других важных для тематики работы проблем. Большинство названий птиц образуется путем звукоподражания, но вполне возможны, как и в эстонском языке, такие случаи, когда в основе образования лежит внешность птицы, образ жизни и своеобразие характера, или народная этимология, перенесение или перекрещивание названий нескольких птиц, а также табу и целый ряд других факторов. Обо всех этих воз-

можных вариантах идет речь в работе диссертанта — там, где представляется необходимым и целесообразным. Даже с позиции других финно-угорских языков несомненный интерес представляет указание автора на то, что возраст характеризуется древней моделью общего названия птицы $+ ni$ 'сын', например: *kyreg* $+ ni$ 'цыпленок', ср. эст. *kana* $+ roeg$. Наряду с этой моделью имеется указание и на имеющее ономотопоэтическое происхождение слово *чпы*, которому соответствует эст. *tibu* 'цыпленок'.

Подводя итоги, диссертант отмечает, что в настоящее время исключительно продуктивны также наименования птиц, которые состоят из двух, трех и более слов. В качестве иллюстрации следовало бы как в данном случае, так и в ряде других привести конкретные примеры, хотя бы за счет излишнего теоретизирования, о котором была речь несколько выше. Неплохо было бы привести и некоторые наглядные таблицы со статистическими данными, которые иллюстрировали бы хронологию названий птиц, пути

их заимствования, типы суффиксации и т. д.

В обширном перечне литературы на 22 стр. указаны все необходимые для данной проблематики научные труды. Заслуживает внимания тот факт, что С. В. Соколов сумел оперативно ознакомиться и использовать в своей работе научные труды, появившиеся непосредственно перед завершением работы над диссертацией.

Резюмируя сказанное выше, следует еще раз подчеркнуть, что диссертация С. В. Соколова представляет собою выдержанное в строгой системе и по определенному методу научное исследование, в котором дается в полной мере обоснованное описание происхождения и образования названий птиц в удмуртском языке. Богатый фактический материал диссертации следует опубликовать, так как он представляет несомненный интерес как для финно-угроведов, так и для специалистов по тюркским языкам.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Ю. А. Морев, Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 1973.

Am 26. Okt. 1973 verteidigte Jurij Morev vor dem wissenschaftlichen Rat der Novosibirsker Universität seine Kandidatendissertation. J. Morevs Dissertation stellt eine in ihren Hauptzügen deskriptive Behandlung des phonetischen Baus der selkupischen Mundart von Laskino dar und hat einen Umfang von V + 260 maschinenbeschriebenen Seiten. Der Verfasser ist ein Vertreter der sog. Tomsker Schule der Samojedologie. Diese Richtung wurde bekanntlich vom verstorbenen Professor Andreas Dulson gegründet, der vor mehr als zwei Jahrzehnten am Lehrstuhl für allgemeine Sprachwissenschaft des Tomsker Pädagogischen Instituts die Grundlage für die Erforschung der samojedischen Sprachen, vor allem des Selkupischen, schuf. Er leitete auch bis an seinen 1973 erfolgten Tod Morevs Arbeit beim Sammeln des Sprachmaterials der selkupischen Mundart von Laskino und bei der Abfassung der Dissertation. Nach Prof. A. Dulsons Tod setzte Morev seine Arbeit selbständig fort.

Der im vorhergehenden genannte Lehrstuhl hat umfangreiches selkupisches Dialektmaterial gesammelt, das auch in der vorliegenden Dissertation weitgehend benutzt worden ist. Das Material der Mundart von Laskino ist aber im wesentlichen von dem Verfasser persönlich gesammelt worden, obwohl auch Aufzeichnungen anderer Forscher, unter ihnen auch diejenigen Dulsons, benutzt worden sind. Seit 1967 hat sich Morev zu wiederholten Malen während längerer Expeditionen im Dorfe Laskino des Rayons Parabel der Tomsker Oblast aufgehalten, wo er außer dem Sammeln des Materials der örtlichen selkupischen Mundart auch unausgesetzt den Gebrauch dieser Mundart im täglichen Verkehr gehört und selber daran teilgenommen hat. Die Mundart ist sowohl nach Gehör als auch auf Tonband aufgezeichnet worden. Im Material finden sich sowohl einzelne Wörter, Sätze, Dialoge, Erzählungen, Märchen als auch spezielle phonetische Programme. Die Beschreibung des